

Часть I

**Подготовка к толкованию
ветхозаветных историй**

Краткий обзор

В первой части нашего изучения мы подробно рассмотрим первый герменевтический этап: подготовку к чтению ветхозаветных историй (см. рис.2).

Святой Дух дает нам силу к толкованию, но Он использует для этого различные средства. В этих главах мы узнаем о некоторых основных моментах, при помощи которых Дух готовит нас к толкованию.

В главе 1 мы увидим, что для толкования необходимо определить уровень подготовки, с которой мы приступаем к толкованию. Понимание ветхозаветных историй всегда касается наших убеждений, взглядов и опыта. Мы подходим к Писанию со своими установками, но при этом готовы открыто слушать. О нашем взаимодействии с текстом мы будем говорить, как о Диалоге Авторитетов.

Глава 2 рассматривает влияние индивидуальной христианской жизни на Диалог Авторитетов. Наше чувство удовлетворения, дарования и сила призвания влияют на наше толкование Ветхого Завета. По мере того, как Дух начинает действовать в этих сферах нашей жизни, понимание улучшается.

Глава 3 исследует влияние взаимодействия в обществе. Подготовка к толкованию также включает изучение опыта других людей. Мы стараемся толковать Ветхий Завет на уровне нашего христианского наследия, состояния общества и личных рассуждений.

Глава 4 касается третьего основного фактора, влияющего на Диалог Авторитетов: нашей экзегезы Писания. Мы увидим, что Дух научил свой народ подходить к Писанию тремя основными способами. Мы ищем темы, которые интересны нам; мы исследуем исторические события, сформировавшие ту или иную историю; мы рассматриваем книги Писания, как литературные труды. Ознакомившись с преимуществами и ограничениями этих методов, мы сможем лучше исследовать Ветхий Завет.

Эта часть нашего изучения не касается толкования, а только аспектов, предшествующих ему. Но она не менее важна, чем остальные части, для исследования и применения в жизни историй Ветхого Завета.

Ориентация на подготовку

Я не ожидал, что он вызовет меня и спросит мое мнение. В конце концов, он же был учитель, а я ученик. «Ты хочешь сказать, что ты пришел неподготовленным к обсуждению этой темы?» — спросил профессор. Я удрученно покивал головой. «В этой школе ты должен быть готовым участвовать в обсуждении класса. Может, ты думаешь, что только я должен говорить? Завтра занятие ведешь ты».

Честно говоря, я действительно думал, что говорить будет только он. Мне больше нравилось сидеть на задней парте и вести краткий конспект. По моим представлениям, занятия должны были состоять из профессорских монологов, а не диалогов между учителем и учеником. Но теперь я попался; на следующий день говорить должен был я один!

Когда идешь на занятие, важно знать, кто будет его вести. Это очень важно, чтобы правильно подготовиться. Если учитель будет читать лекцию, вы идете просто слушать; если вы сами ведете занятие, нужно готовиться говорить. Если занятие будет состоять из дискуссии, нужно быть готовым и говорить, и слушать.

Готовясь к толкованию, мы сталкиваемся с теми же проблемами. Является ли чтение Ветхого Завета рефератом ученика, где все время говорит только он? Может это лекция, где мы только слушатели? Либо это больше похоже на совместное обсуждение? Если ответить на эти вопросы, то это повлияет на наш подход к чтению Ветхого Завета.

В последнее время принимались все три подхода. Одни толкователи делали акцент на участии читателя; другие подчеркивали значимость текста; третьи старались уравновесить оба подхода. Об этих трех методах мы будем говорить как о субъективной модели, объективной модели и модели диалога с авторитетом (см. рис.3)

Субъективная модель

То, что прекрасно и важно для одного человека, может быть безобразным и незначительным для другого. Согласно этой точке зрения, понимание Ветхого Завета в большой степени является субъективным вопросом: личный взгляд и жизненный опыт толкователя определяют значение Писания.

Такая тенденция особенно заметна в обычных неофициальных собраниях. Я помню, как посетил одно библейское занятие, где лидер, прочитав несколько стихов, спросил присутствующих: «Что значит для вас это место Писания?» Сразу же поднялось несколько рук и были высказаны разные мнения. И вскоре выяснилось, что буквально у каждого было свое толкование этого места. Отчаянно вздохнув, лидер сделал заключение: «Ну что ж, я вижу, все мы толкуем Библию так, как нам хочется». Продолжать дальше не было смысла, и занятие было закончено.

Христиане часто смотрят на ветхозаветные истории, как на пустые канистры, которые нужно наполнить значением. Мы просто вливаем в них свои теологические убеждения. Мы пожимаем плечами и делаем вывод, что эти рассказы могут означать все, что нам захочется.

Даже формальная герменевтика пала жертвой субъективизма. Серьезные ученые утверждают, что сам текст накладывает определенные ограничения на толкование, поэтому его основное значение скорее зависит от предрасположенности читателя, а не от объективного, авторитетного текста. Таким образом, толкование в определенной степени превратилось в рассмотрение смысла и значения в свете наших личных, субъективных взглядов.

Философское происхождение

Философское происхождение субъективизма в герменевтике очень запутано. Многим оно обязано Эммануилу Канту (1724–1804гг.). Кант отвергал радикальный скептицизм Давида Хьюма (1711–1776гг.), который не соглашался с предположением, что мир постигается через рациональное исследование. Хьюм не считал, что внешний мир устроен соответственно рациональным структурам человеческого ума. Но Кант не смирился с чертой, которую провели Хьюм и его последователи между внешним миром и внутренними концепциями нашего ума. Поэтому он утверждал, что познание всегда зависит от рассматривания мира согласно категориям мышления человека. Мы смотрим на мир через призму ума. Наш ум действует в рамках определенных категорий, при помощи которых мы воспринимаем мир.

С этой точки зрения, знание само по себе не связано с элементарным восприятием объективной реальности. Мы не можем знать суть вещей самих в себе. Для такого познания всегда необходимо тесное взаимодействие между внешними реалиями и нашим процессом восприятия.

В теории Канта, по крайней мере, есть рациональное зерно истины. Многие обычные примеры подтверждают это. Например, читая эту страницу, что вы видите? Фотоны, отскакивающие от страницы в ваш зрачок и конусы сетчатки, посылающие электрические импульсы по зрительному нерву в мозг? Конечно, нет! Вы видите буквы, слова и предложения. Вы даже понимаете те мысли, которые я стараюсь изложить. С точки зрения языка, вы распределяете то, что видите, по определенным языковым правилам, которым научены. Более того, ваше понимание этой страницы отличается от понимания не умеющего читать ребенка или неграмотного взрослого. Их умственные категории восприятия другие, поэтому они по-другому воспринимают вещи.

Образование, культура, психологическая предрасположенность и другие бесчисленные факторы влияют на наше постижение мира. Поэтому определенная мера субъективизма в нашем познании неизбежна.

Возможно, наиболее выдающейся фигурой среди философов был Ганс Георг Гадамер, который делал большой акцент на восприятии личности. В своей работе «Истина и Метод» он опровергал поиск рациональной объективности и назвал его предрассудком. Он считал, что предубеждения в герменевтике не только неизбежны, но и необходимы для понимания.

Результатом таких теорий было смещение внимания на читателя, как на основной определяющий фактор в толковании. Значение Писаний зависело не столько от древнего писателя и самого документа (как в грамматико-историческом методе), сколько от мыслительных процессов читателя.

Крайности субъективизма

Утверждая постоянное присутствие субъективного элемента, Гадамер и его единомышленники предостерегали против произвольного толкования. Хотя толкование и стоит на предубеждениях, читатель не должен своевольно наделять текст своими идеями. Гадамер сделал строгое заявление: «Правильное толкование не имеет ничего общего с произвольными фантазиями и непредсказуемостью человеческого мышления».

Но, к сожалению, многие последователи Гадамера чрезмерно увлеклись собственными предубеждениями, в результате чего появилась растущая склонность к крайнему субъективизму в библейском толковании.

Несколько молодых теологических школ сознательно рассматривают Ветхий Завет с помощью субъективной модели. Они считают, что объективное значение ветхозаветных историй, если оно вообще существует, недоступно для нас. Не вникая в текст, они пытаются самовольно толковать его, соответственно своим собственным идеям.

Некоторые либеральные теологи открыто признают, что являются ревностными сторонниками субъективного толкования. Кое-кто, возможно, и старается иметь объективные взгляды, но большинство делает большое ударение на важность личных представлений, чтобы оправдать свои подходы и заключения. Кроатто, например, заявляет о своем одобрении субъективизма с пугающей ясностью: «Толкование бывает разным, и всякий, кто утверждает, что именно он прав, вступает в идеологический спор». Кроатто не отрицает уместности историко-критического анализа. Но он считает, что любой текст Писания скрывает избыточные знания.

Либералисты сознательно отбирают определенные места Писания и толкуют их, согласно марксистской идеологии. Истории об Исходе из Египта теряют свое первоначальное значение и становятся историями о борьбе рабочего класса; рассказы о завоеваниях Иисуса Навина становятся рассказами о пролетарской революции. Поэтому неудивительно, что многие осуждают либералистов за использование Библии в качестве инструмента своей идеологии. Подобно им поступают теологи-феминисты и теологи-либералы в вопросах сексуальной свободы, накладывая одни части Писания на другие (согласно канонам либерализма) и таким образом оправдывая свои экзегетические заключения.

Когда предубеждения возвышаются над герменевтическими рассуждениями, появляются радикальные формы субъективизма. И вскоре толкование превращается в возможность расширять свои собственные убеждения и взгляды, а не значение Писания.

Упор на описание

Как эта точка зрения влияет на герменевтику? Какой результат субъективизма? Проще говоря, если мы принимаем субъективную модель, нам больше не нужно сосредотачиваться на правилах для правильного толкования, потому что наше понимание текста зависит от наших же религиозных и философских представлений, которые мы навязываем ему. Субъективисты сосредотачиваются на том, что происходит, когда люди читают текст, а не на том, как следует его читать.

Несколько лет назад мы с друзьями имели возможность поиграть в футбол с коллегами из Европы. Мы согласились, что будем играть в футбол, но вскоре обнаружили, что понятия американцев и европейцев о футболе совершенно различны. Они даже называют эту игру по-разному. Самой большой проблемой в тот день для нас было решить, по чьим правилам играть. Ни одна группа не хотела навязывать свои правила другой. Кто мог сказать, чьи правила лучше? Мы так и не установили четких правил для нашей игры.

Многие толкователи, склонные к субъективизму, думают о правилах толкования таким же образом. По их мнению, любые методы толкования являются совершенно условными. Одна группа следует одному стандарту, другая — другому. Западные толкователи толкуют так, восточные — иначе. Сильные придерживаются одних правил, слабые других. Мужчины читают Библию со своими установками, женщины — со своими. Поэтому невозможно решить, какой способ толкования самый лучший.

Гадамер, например, считал, что любые правила в толковании являются простой попыткой достичь недостижимой цели, заключающейся в отделенном, объективном знании; поэтому он сосредоточил свои усилия на описании того, как происходит толкование. Мы можем сказать, что несогласие Гадамера с любыми методами — это тоже, своего рода, метод, но мы упустили бы его главную задачу — описать, что происходит, когда мы читаем.

Либералисты часто стараются навязать толкованию определенные методы. Различные герменевтические правила часто встречаются в их дискуссиях. Но обычно они не делят разные подходы на правильные и неправильные, а просто описывают, как могут читать Писание представители различных идеологий.

Хотя большинство евангелистов и отвергает крайний субъективизм в герменевтике, нам следует быть осторожными, чтобы не отвергнуть рациональное зерно, которое есть в этом направлении. Субъективная модель герменевтики лучше всего, например, указывает на то, как установки влияют на наше толкование Ветхого Завета. Таким образом, осознав влияние наших предубеждений, мы можем учиться избавляться от них и смотреть на Писание с различных сторон.

Однако мы не должны довольствоваться только тем, чтобы просто узнать, что происходило на самом деле, когда мы толкуем Писание; нам также следует учиться тому, как их толковать. Такая необходимость подводит нас ко второй основной герменевтической модели.

Объективная модель

«Пусть факты говорят сами за себя». Эта фраза побуждает нас основывать свои суждения, скорее, на объективных фактах, чем на субъективном мнении. Стремление к объективности в

библейском толковании можно выразить подобной фразой: «Пусть Писание говорит само за себя». Сутью этой герменевтической модели является объективное изучение текста.

Объективизм принимает многообразные формы в герменевтике. Простые, неученые люди часто смотрят на свое толкование, как на очевидный факт. «Вам только нужно объективно посмотреть на то, что говорит этот стих,— настаивают представители этой школы,— и тогда вы согласитесь со мной».

Однако в формальной герменевтике объективизм рассматривается как склонность к следованию точным научным методам изучения и анализа Писаний. Объективные исследования, гипотезы и проверка этих гипотез формируют основу научной герменевтики в англоязычном мире. Толкователи пытаются формулировать и выражать свои заключения с научной точностью и объективностью.

Так или иначе, герменевтический объективизм рассматривает толкование, как процесс избавления от любых личных предположений и осторожного применения проверенных методов толкования. Его цель заключается в том, чтобы текст сам производил впечатление на читателя.

Философское происхождение

Такая герменевтическая тенденция получила сложное философское развитие. В частности, она имеет определенную связь с философскими взглядами Рене Дескратеса (1596–1650гг.), Фрэнсиса Бэкона (1561–1626гг.) и Томаса Рейда (1710–1796гг.).

Дескратес начал свой поиск с попыток избавиться от всех мнений и убеждений, чтобы утверждать свое знание исключительно на самоочевидных и объективных основаниях. Его желание строить знание на рациональном фундаменте было краеугольным камнем эпохи Просвещения. Избавляясь от предрассудков в поисках объективной рациональной истины, люди надеялись приобрести истинное знание о себе и о мире.

На герменевтический объективизм также повлияли научные изыскания Фрэнсиса Бэкона. По его мнению, научный подход состоит из трех «фаз исследования»: 1) сбор всех известных примеров того или иного феномена с похожими качествами, 2) наблюдение за феноменом в контрасте с другими и 3) сравнение этих наблюдений. Благодаря этим научным приемам, наблюдатель мог исследовать информацию о мире, не позволяя никаким отклонениям исказить выводы.

Склонность к объективизму в Британии и Соединенных Штатах стала популярной, благодаря теории о «Реализме Здравого Смысла», высказанной Томасом Рейдом. Эта теория основана на предпосылке, что люди способны иметь объективное знание о мире. Человеческий ум способен каким-то образом изучать определенные явления точно, без помощи каких-либо внешних авторитетов. Другими словами, основные законы, определяющие внутреннюю и внешнюю жизнь человека, известны всем искренним и открыто мыслящим мужчинам и женщинам.

Как и Кант, Рейд признавал, что мы рассматриваем мир через призму собственного ума. Но при этом он утверждал, что Бог устроил человеческий ум в согласии с объективным миром. Если мы пользуемся нашими чувствами и мыслительными способностями осторожно, мы можем знать настоящий мир. Рейд считал, что любые философские споры с этой аксиомой являются простым отрицанием первого и универсального принципа здравого смысла.

Большинство из нас видят, по крайней мере, некоторые элементы истины в этих философских школах. Мы обычно полагаемся на свои чувства и мысли, когда хотим получить достоверные знания о том или ином вопросе. Мы верим, что наша способность здраво рассуждать поможет нам прожить этот день. Благодаря ей, мы можем ощущать и понимать реальный, объективный мир.

Большинство библейских толкователей в англоязычном мире применяют такое мышление к библейской герменевтике, моделируя свое толкование по образцу рационально-научного объективизма. Мы отбрасываем все предубеждения и следуем научным изысканиям, чтобы видеть Писания такими, какими они являются в реальности и открывать для себя их объективное значение.

Такая склонность к объективизму оказала особенное влияние на евангельскую герменевтику. Поиск объективности через грамматико-исторический метод сформировал подход «табула раса» к экзегетике.

Та же тенденция существует и сегодня. Последние изучения роли предубеждений в герменевтике подчеркнули значение субъективного элемента. Любой искренний толкователь скажет, что невозможно не учитывать субъективный фактор. Однако евангелисты мало прибегают к

такому подходу и по-прежнему утверждают, что первоначальное значение текста можно открыть только при его объективном толковании.

Упор на предписание

В то время как субъективизм описывает, что происходит в нашем сознании, когда мы толкуем Писание, объективизм предписывает нам те методы, которыми мы должны пользоваться, чтобы их толковать.

Исследования евангельских работ по герменевтике показывают эту привязанность к правилам в толковании. Обратите внимание на такие заглавия работ: «Принципы Библейского Толкования» (Беркоф) и «Наука Библейской Герменевтики» (Чафер). Иногда нас предостерегают от низведения толкования до уровня науки, но сердце евангельской герменевтики исполнено правил и руководств, гарантирующих нам приобретение истинного знания.

Правила экзегетики играют большую роль в подготовке к чтению ветхозаветных историй. Мы совершаем много ошибок, которые якобы могут быть исправлены хорошей методикой. Но чрезмерная сосредоточенность на правилах герменевтики без учета самого процесса толкования является ошибочным.

Например, распространенным принципом толкования историй Библии является их рассмотрение в качестве доктринальных учений. Несомненно, это правило помогает нам смотреть на один стих в контексте других, но это лишь одна сторона медали. Если уделять все внимание только этому правилу, изучение Писания в качестве дидактического материала будет очень недооценено. Истории Писания могут служить нам ценными примерами. Например, Иисус трактовал установления о субботе в свете истории о Давиде (Мр.2:23–27). Мы рассматриваем воровство, прелюбодеяние, убийство и лжесвидетельство в свете историй, касающихся этих грехов. Одним словом, рассказы и доктринальные материалы дополняют друг друга. И любой герменевтический принцип, отрицающий это взаимодействие, является абстрактным и ложным.

Итак, правила толкования не должны противоречить описанию происходящих событий. То, что мы должны делать, необходимо рассматривать в контексте того, что мы делаем на самом деле.

Модель «диалога с авторитетом»

В нашем исследовании мы попытаемся избежать крайностей субъективизма и объективизма, приняв модель «диалога с авторитетом». Эта модель поможет нам сохранять равновесие между субъективизмом и рационализмом в толковании.

Диалог использовался в качестве герменевтической модели многими писателями и исследователями. Хайдеггер и Гадамер, склонные к субъективизму, придерживались при этом и диалогического подхода к толкованию. Они воспринимали читателя и текст, как составляющие части одного процесса. У евангелистов эта модель имеет очень ограниченное применение. Говоря о толковании, как о диалоге, нам никогда не следует забывать о доктрине авторитета Библии.

Диалог с авторитетом

В повседневной жизни мы общаемся с людьми, для которых мы являемся авторитетом, например, с нашими ровесниками, а также с людьми, которые представляют авторитет для нас. Это общение принимает очень разные формы в зависимости от наших взаимоотношений с тем или иным человеком. Например, наши чувства к собеседнику существенно повлияют на наш диалог с ним. Содержание и тон разговора с дошкольником о медицинских вопросах будет отличаться от такого же разговора с врачом. Об одних и тех же юридических вопросах мы говорим по-разному с другом и с адвокатом.

Следуя протестантской ортодоксальной доктрине, евангелисты убеждены в несомненном авторитете Писания во всех вопросах веры и жизни. Мы придерживаемся тех же принципов авторитета, которые утвердили для нас сами библейские писатели. Это убеждение оказывает значительное влияние на наш диалог с ветхозаветными историями.

Любой диалог с авторитетом имеет, по крайней мере, два общих пункта. С одной стороны, мы подходим со своими личными ожиданиями и вопросами, которые готовят нас к конструктивному диалогу. С другой — мы имеем насущную потребность в понимании любой проблемы с точки зрения Того, чье понимание превышает наши личные интересы и представления.

Однажды я пытался найти небольшой поселок в сельской местности Миссисипи, но пропустил поворот и не мог найти обратную дорогу. Через какое-то время я подъехал к станции техобслуживания. «Тут должны знать, где этот поселок»,— подумал я, остановился и вошел внутрь. «Вы не могли бы сказать, как мне попасть в Дак Хилл?» — спросил я у работника. Он начал подробно рассказывать мне дорогу. «Подождите,— все время перебивал я его,— правильно ли я понял? Как далеко ехать? Я поворачиваю где?» Наконец, он нарисовал мне карту, и я оставил его в покое.

Я заехал на станцию с собственными представлениями о себе, о своей ситуации, о работнике станции, о том, что я повернул в неправильном месте, что работник говорит на моем языке и может помочь мне, что о дороге нужна была дополнительная информация. Рабочий знал то, чего не знал я, и если я хотел найти дорогу, мне нужно было понимать его указания. Поэтому я слушал его слова, следил за его руками и всматривался в карту. Я даже повторял его инструкции, чтобы убедиться, правильно ли я понял их.

Подобным образом мы подходим к диалогу с Ветхим Заветом, имея бесконечные личные ожидания и предположения. Мы предполагаем, например, что ветхозаветные истории могут быть до определенной степени понятны, и имеют что-то ценное для нас. Из нашего прошлого опыта мы даже можем представить, о чем может пойти речь в том или ином рассказе. Без этих предположений мы не сможем участвовать в плодотворном диалоге и начать толкование.

Ветхозаветные рассказы являются для нас в этом бесспорным авторитетом. Нам не нужно высказывать им свои предположения; нам необходимо внимательно слушать, что они говорят нам. Мы хотим, чтобы они помогли нам. Так как эти истории являются для нас безошибочной и непогрешимой моделью, мы пользуемся всеми доступными средствами, чтобы понять, в чем заключается урок.

В основном только модель диалога авторитетов удерживает нас от отношения к Писанию как к равному собеседнику. Субъективизм пытается уравнять наше понимание с авторитетом Писания, умаляя текст до уровня человеческих представлений. Мы критикуем Библию так же интенсивно, как и она критикует нас. Объективизм пытается сделать нас равными истинам Писания, вознося наше понимание до уровня самого Писания. Наше толкование определяется учением самого текста. И только последняя модель представляет Библию верховным авторитетом, а читателя подчиненным тексту.

Модель Диалога Авторитетов отличается от субъективной и объективной тенденций. В отличие от объективизма, она признает постоянное влияние человеческих убеждений на толкование. Фундаментом герменевтики является диалог: мы задаем вопросы и вносим первоначальные предположения. В контрасте с субъективизмом, эта модель признает важность методов и правил, позволяющих нам видеть авторитетное влияние ветхозаветных историй на нашу жизнь. Герменевтика — это диалог, но диалог с абсолютным авторитетом. В этом существенная разница подходов (см. рис. 4).

Опасности объективизма

Цель объективного подхода звучит привлекательно: понимать ветхозаветные истории так, как они написаны. Несомненно, мы должны стараться устранять любые барьеры и предубеждения, препятствующие правильному пониманию, но это отнюдь небезопасно.

Однажды я присутствовал на межденоминационном библейском занятии. Молодой человек, который вел его, постоянно делал упор на то, что «нет иных конфессий, кроме Библии, и нет другого учения, кроме Христа». Он очень гордился тем фактом, что никогда не пользовался комментариями. «Я делаю свои проповеди прямо из Библии»,— говорил он. Будучи уверенным в своей объективности, он прочел несколько стихов и начал объяснять их истинное, по его мнению, значение. Согласно его словам, мы слушали само Писание без искажений.

Занятие приближалось к концу, когда вдруг его перебила женщина, воспитанная на учении другой церкви: «Вы не преподаете Библию! Вы преподаете ваши деноминационные взгляды!» Затем она начала объяснять группе то, что в действительности означало зачитанное место. Таким

образом начался спор и вскоре стало ясно, что никто из них не был объективным вообще. Они оба понимали Писание в свете своей деноминационной теологии!

Каждый верующий ощущал влияние его убеждений на личное чтение Библии. Подумайте о вашем любимом стихе. Сколько раз вы читали и цитировали его? Разве не удивительно то, что мы можем прочесть стих, даже запомнить его, и все же обнаруживать в нем новые откровения почти каждый раз, когда обращаемся к нему? Удивительно, как много нового мы видим сейчас в историях, которые читали несколько лет назад. Откуда такие разные интерпретации? Сам стих не изменился. Наши методы толкования также почти не меняются. Меняется наше понимание. В Своем мудром предвидении Бог так устраивает наши жизни, что многие из наших переживаний, предположений, вопросов и предубеждений относительно текста меняются, так что видна существенная разница в нашем понимании даже знакомых мест.

Такой опыт убедительно показывает нам, что толкование Ветхого Завета будет всегда подвержено влиянию нашего жизненного и духовного опыта. К сожалению, склонные к объективизму евангелисты, имеют ошибочное представление о том, что возможно объективное абсолютное понимание Библии такой, какая она есть. Они проводят границу между их толкованием Библии и самой Библией.

Эта проблема присуща и научной герменевтике. В отличие от обычных читателей, ученые толкователи обычно признают, что совершенная объективность недостижима. Однако в своей практике они часто не обращают внимания на влияние человеческих убеждений на восприятие библейского текста и его понимание. Объективисты предполагают, что понимание читателя не может меняться и искажаться, пока он следует хорошо проверенным методам толкования. В результате этого они рассматривают свои экзегетические заключения как объективные и неоспоримые факты.

Такая теория часто похожа на перевернутый субъективизм, в котором мы позволяем незаметным предрассудкам самоуправствовать в толковании. Сами того не осознавая, мы читаем свои личные мысли между строками текста. Пока наши, постоянно меняющиеся заблуждения остаются в подсознании, они опасны и оказываются причиной наших заблуждений.

Евангелисты сейчас все более склоняются к философской герменевтике и начинают подвергать сомнениям объективную модель. Представление о том, что читатели могут обуздать влияние своих предрассудков при помощи тщательных методов, сейчас все еще перепроверяется. В будущем мы увидим еще большую дистанцию между евангельской герменевтикой и объективизмом.

Опасности субъективизма

Модель Диалога также отстоит от герменевтического субъективизма. Одно из наиболее важных отличий заключается в оценке экзегетических методов.

Как мы уже увидели, приверженцы субъективной стороны герменевтики не берут на себя ответственность предписывать какие-либо руководства к толкованию. Они подозрительно относятся к традиционным правилам, которые якобы помогают избавиться от человеческих представлений и предрассудков, толкуя Писание. Но такой взгляд противоречит модели диалога с авторитетом. Хотя методы толкования всегда подвержены влиянию нашего опыта, мы не имеем права подходить к Ветхому Завету с любыми толкованиями. Так как его текст является для нас авторитетом, мы должны пользоваться такими методами толкования, которые позволят Писанию раскрыть нам свою суть.

Опять же, центральным является вопрос авторитета. Во многих кругах, где правит субъективизм, Писание и читатель рассматриваются как равные, а, следовательно, нет никакой необходимости подчинять свои методы толкования тексту. Толкователи получают полное право заставить текст играть по их правилам.

Но евангелисты рассматривают читателей, как подчиненных ветхозаветным текстам, указывая на ответственность их толкования в соответствии с их сутью. Некоторые методы действительно лучше других. В евангельской герменевтике даже видна определенная «этика». Мы не имеем права заставлять Ветхий Завет плясать под нашу дудку. Нам самим нужно научиться наслаждаться его мелодией.

Как выбрать? Какими методами пользоваться? Суть подготовительных этапов несложно увидеть с первого взгляда. Даже беглое ознакомление с Писанием дает некоторое руководство. Например, никто не может отрицать, что ветхозаветные рассказы имеют буквальное значение. Любые методы,

не поддерживающие этой точки зрения, заглушают голос Писания. Ветхий Завет был написан с определенными грамматическими условностями; толкование должно соблюдать их. Книги Ветхого Завета являются древними документами. Рассматривать их в качестве современных реалий уже означает их неправильное толкование. Список таких основных правил толкования можно продолжать. Как сказал Трейси: «Каждый текст, в конце концов, это структурное целое. Каждая тема требует серьезного внимания к своей сути, форме и структуре».

Однако когда мы идем дальше этих базовых условностей, нам становится ясно, что техника толкования должна происходить в рамках диалога с авторитетом. Мы начинаем с методических предположений, основанных на нашем опыте, и изменяем их по мере взаимодействия с Писанием.

Какой наилучший способ понять нашего собеседника в обычном разговоре? С раннего детства мы усваиваем определенные приемы, чтобы понимать других людей. Мы начинаем разговор, держа в уме множество установок, но в процессе разговора изменяем свои взгляды и позиции. Мы стараемся приспособиться к ситуации, как можно лучше. Во время диалога мы шлифуем наш подход и отношение к собеседнику, чтобы найти с ним общий язык.

Таким же образом в нас формируются методы толкования текстов Писания, когда мы читаем их. Как сказал Рицеор, методические указания к толкованию полезны только тогда, когда мы помним, что они тоже являются частью процесса понимания. Все попытки установить и улучшить герменевтические приемы являются частью нашего продолжительного диалога с ветхозаветными историями. Правила толкования — это не объективные, неизменные аксиомы. Они совершенствуются так же, как и наше понимание текста.

В отличие от субъективизма, модель диалога с авторитетом дает понять, что нам нужно усердно трудиться над развитием методов, ведущих нас к правильному пониманию Писания. Тем не менее, мы должны совершенствовать эти методы по мере того, как мы глубже знакомимся с ветхозаветными историями.

Герменевтический прогресс

Но разве модель диалога с авторитетом не заставляет нас ходить по кругу? Какие гарантии того, что мы будем прогрессировать в своем понимании Писания, развивая методы познания в контексте диалога?

Существует распространенное мнение о герменевтическом прогрессе как о «герменевтическом круге» — постоянном цикле, циркулирующем между читателем и текстом. Однако этот термин крайне неуместен. Я предпочитаю думать о толковании как о «герменевтической спирали». Этот образ описывает отношения между Писанием и его читателями в форме диалога, а также указывает на движение вперед, направленное к цели более полного понимания.

Что производит такое спиральное продвижение к лучшему пониманию? Как мы увидели в предыдущей главе, герменевтический прогресс полностью находится в руках Святого Духа. Только Его просвещение может продвигать нас к истине. Но мы также видели, что Дух пользуется многими средствами, чтобы помочь нам в этом процессе.

До Шлейермахера (1768–1834гг.) герменевтика обычно рассматривалась отдельно от теологии, литературы и закона. Они рассматривались, как разные дисциплины с разными методами толкования. Однако Шлейермахер выступал за то, что «искусство понимания» (*Kunst des Verstehens*) относится ко всем этим дисциплинам. Он считал, что один и тот же процесс человеческого понимания применим к любым дисциплинам.

Евангелисты должны осознать, что толкование Ветхого Завета подвержено влиянию практически всех дисциплин от точных наук до гуманитарных. Лингвистика, литература, философия, психология, социология, антропология, археология и множество других наук открывают путь к прогрессу в толковании.

Некоторые евангелисты испытывают ужасные неудобства, когда приходится полагаться на источники, находящиеся вне Библии. Разве недостаточно того, чтобы просто читать Библию? Разве обращение к другим дисциплинам не противоречит доктрине о том, что «Писание толкует Писание» (*Sacra Scriptura sui ipsius interpres*)?

Но с другой стороны, мысль о Писании, толкующем самое себя, подразумевает безупречное толкование. Вопреки церковным традициям и личным суждениям, реформисты утверждают, что единственно неоспоримым руководством к толкованию Библии является сама Библия. Святой Дух

использует одни места Писания, чтобы помочь нам понять другие. Однако эта формула не исключает использования других источников толкования.

Обращение к другим источникам прекрасно подтверждает доктрину о взаимозависимости конкретного и общего откровений. Евангелисты утверждают, что Бог явил себя в Писании (конкретное откровение) и в творении (общее откровение). Эти два вида откровения взаимосвязаны и никак не противоречат друг другу.

Обычно евангелисты думают, что отношение между конкретным и общим откровениями действует односторонне. Если мы хотим осветить тот или иной аспект жизни, мы обращаемся к Библии. Каким бы ни был вопрос, Библия является нашим руководством к правильному пониманию. Исторически сложилось так, что протестанты считают Писание очками, сквозь которые мы можем правильно рассматривать и понимать общее откровение.

Но этот принцип действует также и в обратном направлении; общее откровение помогает нам понять личное откровение. Дух учит нас многому, используя источники, находящиеся вне Библии, что также обновляет наше толкование Писания.

Борьба между Галилеем (1564–1642гг.) и церковными властями иллюстрирует важность сверхбиблейских источников для толкования. Церковь, ссылаясь на книгу Иисуса Навина (10:13) («и остановилось солнце»), утверждала, что солнце на время прекратило вращение вокруг земли. В те дни такое толкование было очевидным и неоспоримым. Однако сегодня научные исследования показывают, что день и ночь меняются, благодаря вращению земли вокруг своей оси. Таким образом, сегодняшние евангелисты понимают этот стих не так, как их предшественники, жившие сотни лет назад. Мы знаем, что день был чудесным образом продлен для Иисуса Навина, но мы также знаем, что «остановка» солнца была явлением, которое он наблюдал относительно земли. Теперь мы понимаем, что 13-ый стих написан обычным, ненаучным языком, похожим на наше употребление слов «восход» и «заход». Более правильное понимание общего откровения не принудило нас отвергнуть Писание, а только помогло нам приспособить его толкование к современности. В этом случае и во многих других, Святой Дух использовал общее откровение, чтобы расширить наше понимание конкретного откровения.

Мы должны помнить, что многие факторы препятствуют нашей способности понимать обе формы откровения, в результате чего герменевтика и другие науки часто кажутся конфликтующими. Когда возникает такое противоречие, его причиной никогда не бывают формы откровения; конкретное и общее откровения никогда не противоречат друг другу, так как оба даны Богом. Проблема всегда заключается в нашем понимании. Иногда наше понимание Библии нуждается в обновлении, а иногда наше понимание общего откровения неадекватно. В конце концов, наши взгляды и на то, и на другое могут быть ошибочными.

В таких конфликтных ситуациях евангелисты отдают предпочтение Писанию, пока свидетельство общего откровения не станет очевидным. Это мудрый путь, но нам никогда не следует пренебрегать ценностью откровений, приходящих из других источников. Непреодолимое свидетельство общего откровения может убедить нас изменить свое толкование Библии, не отрекаясь от уважения к ее авторитету. Д. И. Пакер хорошо подытожил:

Научные теории не имеют права диктовать или указывать, что Писание может говорить, а чего нет. Но сверхбиблейская информация иногда оказывается полезной для выявления неверного толкования Писаний... Ибо, несмотря на то, что экзегетика должна направляться только текстом, а не внешними предположениями, ее процесс стимулируется постоянной переоценкой смысла того или иного стиха в свете информации из других источников.

В последующих главах мы рассмотрим, как Дух использует Библию и общее откровение для обновления нашего толкования ветхозаветных историй. Это влияние можно разделить на множество аспектов, но для удобства мы разделили его на три основных направления: личная христианская жизнь, взаимодействия в обществе и экзегетика Писаний.

Личная христианская жизнь. Прежде всего, мы увидим, что личная жизнь христианина наносит свой отпечаток на его чтение Писания. Дух использует черты нашей личности, наш жизненный опыт и призвание, чтобы помочь нам понимать ветхозаветные истории. Страдание пробуждает в нас понимание библейского учения о человеческой боли; радостные события открывают нам понимание соответствующих мест Ветхого Завета. Каждый обыкновенный и необыкновенный аспект нашей жизни скрывает в себе потенциал нашего продвижения по

герменевтической спирали. Святой Дух использует нашу личную христианскую жизнь для влияния на наше толкование Ветхого Завета.

Взаимодействия в обществе. Во-вторых, мы увидим, как Дух готовит нас к чтению Писания через наши взаимодействия в обществе. Этот аспект общего откровения показывает, как Дух помогает нам толковать Писание через других людей — учителей, друзей, членов семьи, а также через чтение книг. Взаимодействие с другими людьми, которых Дух также по-своему учит, полноценнее готовит нас к исследованию ветхозаветных историй.

Экзегетика Писания. В-третьих, Дух готовит нас, привлекая к экзегетике Писания. Библейский свет, пролитый на нашу жизнь, оставляет в нас глубокий след. Ничто не заменит нам изучение конкретного откровения наедине с Богом. Исследование Библии также продвигает нас вверх по герменевтической спирали, к лучшему пониманию. Мы увидим, что эти герменевтические источники предлагают нам неисчерпаемую помощь в толковании (см. рис. 5).

Заключение

Эту главу мы начали рассуждением о том, что для диалога в группе необходимо подготовиться и говорить, и слушать. Чтение ветхозаветных рассказов похоже на диалог в группе. Исследуя Ветхий Завет, мы постоянно говорим и слушаем. При этом мы не полагаемся только на собственные средства, готовясь к такому диалогу. Дух готовит нас через личную христианскую жизнь, взаимодействия в обществе и исследование Писания. С помощью этих средств мы можем продвигаться по герменевтической спирали по направлению к более полному пониманию и применению ветхозаветных историй.

Вопросы

1. Опишите философское происхождение субъективизма в формальной герменевтике. Почему этот метод привел к упору на описание? В чем заключается опасность субъективизма?
2. Опишите философское происхождение объективизма в формальной герменевтике. Почему этот метод привел к упору на предписание? В чем заключается опасность объективизма?
3. Что такое «модель диалога с авторитетом» в толковании Ветхого Завета? Чем она отличается от объективизма и субъективизма? Благодаря чему в этой модели мы можем надеяться на прогресс в своем понимании?

Упражнения

1. Прочтите 2 Паралипоменон 12:1–12. Составьте список пяти теологических заключений, которые вы можете сделать на основании этого отрывка. Теперь оцените ваш список. Как ваши предубеждения повлияли на толкование этого места Писания?
2. Изучите и сравните старый и современный комментарии к 2 Паралипоменон 12:1–12. Чем отличаются эти комментарии? Какие предубеждения со стороны авторов комментариев вы можете заметить?
3. Попросите друга прочесть 2 Паралипоменон 12:1–12 и составить список пяти теологических заключений по этому отрывку. Сравните этот список с вашим (из упражнения 1). В чем списки похожи? В чем отличны? Почему?